



МЕТАМОРФОЗЫ «ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ» В ИСТОРИИ РОССИИ

История должна быть злопамятной.

Н. Карамзин

А.Е. РАЗУМОВ

Добрейший Николай Михайлович Карамзин, автор «Истории государства Российского», прав, бесспорно. Однако «должна быть» или является таковой? Мы обязаны помнить злые уроки истории, но соблюдаем ли мы рекомендацию историка? Когда как. Иногда даже злоупотребляем, осуждая прошлое. Не в последнюю очередь потому, что мним себя на вершине исторического опыта, не замечая, что плывем во времени, уносящем окончательные оценки в неопределенное, неведомое будущее. А наша «вершина опыта» с незавидным постоянством воспроизводит многие злые проблемы ушедшей, но длящейся в нашей памяти истории.

Но, чтобы более или менее адекватно оценить настоящее положение дел, неплохо, по возможности, помнить свое прошлое, то с чего начиналась политическая история России. «Посмотрите от начала до конца наши летописи, – читаем в «Апологии сумасшедшего» Чаадаева, – вы найдете в них на каждой странице глубокое воздействие власти, непрестанное влияние и почти никогда не встретите проявлений общественной воли...».

Впрочем, Россия не сирота в человеческой истории; у нее есть родители и родственники в иных временах.

* * *

На излете одной исторической эпохи своей культурно-исторической Ойкумены мудрец и управитель изрек знаменитое: «Vox populi – vox dei» – «Глас народа – глас божий». Со времен автора изречения, убиенного собственным воспитанником Нероном Луция Аннея Сенеки, история не раз могла убедиться, что «глас народа» бывал (чаще всего) тоньше комариного писка, а «Бог» с удивительным однообразием возвышал свой «глас» за правителей, чему есть свои объяснения. Античность знала «Богоравных» императоров, позднейшие времена – «помазанников Божьих». Я говорю не о возможном Творце миров и времен, а о нашем истолковании его воли.

Если поверить тому, кто утверждает, что демократия отличается от диктатуры «всего лишь» тем, что первая организует народную жизнь, опираясь на право, а вторая, опираясь на силу; первая – на Закон, вторая – на Власть, если это верно, то Россия в очень незначительной мере жила при демократии раньше и не вполне живет при демократии теперь. «По совести» жили, «по понятиям», но не по Закону. Закон никогда не был обязательным для власти, как следствие, – и для подданных. Мои сверстники переживают уже пятую Конституцию, и каждую сооружала под себя очередная власть (от Бога!); уверен, что «пройдет и это», невзирая на уверения, будто на сей раз Конституция уже навсегда.

В отличие от установок классических и канонических форм закона и права, демократия в России, благодаря этим усилиям властей, принимала формы протестных смут, погромов. Правительства никогда не останавливались перед грабежом народа ради тех или иных собственных нужд, народ, в свою очередь, не считал греховным обман государства и власти. Навычная к насилию власть и народ приохотила к нему же, поэтому, если случалось «демосу» утверждать иногда собственную политическую «кратию», то делалось это через кровь и смертоубийство. Других форм борьбы за свои права населению не дано было знать. Результатом часто случалась не самая лучшая из форм народовластия – власть толпы, власть массы. Так «рабочее движение» начала ушедшего века отторгало умеренные формы борьбы в пользу самых воинствующих и радикальных.

Как показывает услужливая память, среди знаков «борьбы с», под которыми расцвели последние в двадцатом столетии радикальные российские реформы, ярко сиял знак борьбы с «административно-командной системой». Увлеченные борцы-интеллектуалы и сочувствующие из «народных масс» как-то упустили из виду, не обратили внимания, что бороться они в данном случае вознамерились не со специфическими проявлениями большевизма, не с коммунистическими извращениями славной хозяйственно-рыночной отечественной истории, а с самой этой историей в полном объеме. Что, бесспорно, значительно и гораздо сложнее, требует больших усилий и большей, среди многого прочего, исторической подготовки.

Административная команда – это неперемный спутник и рычаг всякой мобилизации, а наша страна и государство жили в состоянии так называемой мобилизационной экономики столетиями; в стране постоянно действовало бессрочное «мобилизационное предписание». В условиях вынужденного догоняющего развития и от того сопутствующего хронического дефицита – де-

фицита финансового, дефицита навыков производства и знаний, дефицита времени, а также в условиях развития под кнутом угрозы, в условиях непрерывного деформирующего политико-экономического давления извне ничего иного ожидать и не следовало. Чтобы бросить вызов такой истории, потребны люди иного, не мелко- и не крупно-воровского масштаба. Не такие пытались! По волевым параметрам, по уровню личности и в государственном измерении не чета тогдашним руководящим старателям реформ. Пытались, правда, с одним неизменным военно-фискальным способом. Не очень упорно и вполне безуспешно.

Как и ныне, надо всей российской историей висели центральные проблемы власти: как сколотить и обустроить государство, где взять деньги на оплату чиновничества-администрации, на армию и на войну. Павел Милюков утверждал, что деньги и войско — это две главные российские заботы, которые определяли все важные российские реформы. Реформы во все времена, заметьте, при хронически пустой казне, при зияющих, разной природы дырах в государственных карманах, куда неизменно проваливалась часть с большим трудом собранных податей. При всем том все всегда знали, что деньги в стране есть, но там, куда рука власти предпочитала не залезать. А если в виде исключения для государственного дела власть переливала колокола на пушки или изымала для собственных целей церковные сокровища, то плач и стонания обиженных достигали небес и звуки тех воплей звучат в столетиях.

Начало реформ «лихих девяностых», о которых внезапно заговорили сегодня, в 2010 году, отличается от всех предыдущих тем, что «реформаторы» разворовали или позволили в числе прочих разворовать средства, предназначенные «на войско», и при этом никто не помышлял тащить казнокрадов в Тайный приказ. Не было в истории России таких невезучих в деле «субъектов» преобразований и одновременно таких благополучных в личной судьбе. В области реформ не преуспел никто, зато каждый обзавелся солидным куском имущества, личным фондом или, по крайней мере, крупной пожизненной рентой от вложенных в реформы усилий. Главным образом усилий по производству и воспроизводству властных «вертикалей» и «горизонталей».

Самое прискорбное из наших несчастий то, что на сегодняшний день Россия все еще не в состоянии контролировать свою Судьбу, хотя усилия в этом направлении есть. Почему?

Вернемся к нашим баранам, то бишь к нашим командно-приказным традициям, овечьим идеологиями, взлелеянными под сенью религий, под патронажем государства, при личной заинтересованной заботе и покровительстве правителей.

Не станем подобно вещему Баяну растекаться мыслию по древу о временах князя удалого Игоря Святославовича, тиунов и кметей его, кого удельное честолюбие и навыки модного в те времена командного администрирования занесли в плен к половцам и погубили дружину. Скажем только, что уже в те былинные годы и далее через всю российскую историю протянулась нить, скорее, чугунная цепь административных команд.

Административные команды возвращали череп государства как ответ внутреннему и внешнему врагу, устанавливая жесткий контроль над тем, что копошится в извилинах под черепом. Они вскармливали тело огромной империи, принося и поощряя работно-тягловые и ратные человеческие жертвоприношения — иногда на алтарь Отечества, но часто к собственной славе, процветанию и обустройству. Не будет слишком большим насилием над историей сказать, что команда, приказ — это карма, рок, парки, ткущие нити отдельных конкретных судеб.

Естественно, это требовало жертв, и главнейшей из жертв оказалась на века утраченная политическая свобода, которая так трудно обретается сегодня. На долгие-долгие годы почитание венценосца стало составной, принципиальной частью официальных идеологий, при этом «принцип», как мы помним, совсем не мешал прирезать или удавить, взорвать, ослепить «конкретного принцепса», сидящего на княжьем или на царском престоле. Все не большевики были первыми цареубийцами и детоубийцами — история тянется от св. великомучеников, отроков Бориса и Глеба, зарезанных собственным (Окаянным) братом. Еще на долгие годы растянулось ожидание радостного события: рабства павшего по манию царя. Надо сказать, активное, однако, ожидание.

Вместе с историей в человеческое общежитие входит ответственность. Ответственность творит историю, направляя энергию жизни в русло восходящих потоков, сообразно целеполаганию, целеорганизации. Безответственность, напротив, разрушает историю, низводит ее до уровня нечеловеческих природных стихий. Так и следует относиться к истории, так и должно быть, когда-нибудь так и будет, если цивилизации успешно завершат мегацикл эволюции, над которым довлеет деформирующее воздействие отчуждения, со специфическими экономическими отношениями, политическим господством, культурно-идеологическим подчинением и с соответствующими формами протеста.

Команда, плеть и нагайка, дыба и плаха, кол и веревка, почести и награды российской истории рождали не только исполнительский раж и преданность власти, — еще они породили многочисленный влиятельный, чрезвычайно живучий, авторитетный общественный класс, имя которому — голытьба. «Голытьба», «голь

кабацкая» — неотъемлемая часть, пласт народной жизни со своим эпосом, нравственными установлениями, уложениями о правах собственности, со своим представлением о добре и зле, о роли и месте насилия, о том, что дозволено и справедливо, о характере власти, об основных установлениях религии — не даром бунты, как правило, сопровождали ереси и расколы.

Историки отмечают, что, например, различие между «государевым казаком» и «воровским казаком» было в народном сознании весьма зыбким и условным. Таковым же оно было и в жизни. Казаки весьма легко переходили из одного состояния в другое, как Ермак Тимофеевич, как атаман Иван Кольцо, как (обратный переход) Иван Булавин или Степан Разин, Емельян Пугачев.

Часть активного «нижнего» народа в конце концов соображала или ему объясняли, что жизнь под страхом ежедневных побоев, жизнь голодная и подневольная с перспективой оказаться в застенке, в кандалах или в солдатах может быть заменена разгульной, вольной, хотя и опасной, но посреди речных и степных просторов. По крайности, жизнью воровской, площадной и в «царевом кабаке».

Народ искал в центральной власти и поныне ищет защиты от произвола и угнетения разных господ и, не находя таковой, переносил свои упования и находил образцы бесшабашной удалы, смелости, мужества в смерти и справедливого воздаяния среди «добрых молодцев», «бурлаченков вольного Поволжья», «граждан матушки каменной Москвы». Это тем более оправдано, что верховный народ исполнял ничем не лучшие гражданские правила, т.е. воровал и грабил, доносил и мошенничал, т.е. оба-два в этом смысле, так сказать, одного сукна епанча.

Опричные топоры гуляли по шеям воровских бояр, воровал светлейший князь Меньшиков, доносили и грабили Шувалов, Бирон, сенаторы, духовные пастыри. Разгул сановного воровства, поутихший было, поуменьшивший масштабы в связи с карательными усилиями и общей бедностью советской эпохи, вспыхнул и разгорелся настолько, что, повторимся, лидер, не отмеченный воровством, - о, простите! Лидер, не отмеченный рыночной инициативой, аукционно-инвестиционно-акционной благодатью, - это «чужой среди своих, свой среди чужих» и выглядит такой же идейной нелепостью, как одноименный ранний кинофильм нашего главного режиссера среди монархических откровений его зрелого творчества.

Тяжелая все же судьба у каждого нового главы государства. Ни один правитель со времен Владимира Красна Солнышка, пировавшего во дворе с голодранцами, сажавшего за стол «мужика-деревенщину», отмеченного былинами, никто не удостоился на-

родной памяти — мы узнаем о них только из письменных историй. Что народ слагает песни «О Сталине мудром, простом и любимом» — это политическое холуйское, вполне авторское вранье, а вот о такой народной, проникновенной, мужественной песне, какой награжден Ванька Каин, не мог, не стоило и мечтать самодержцам.

Не шуми, мати, зеленая дубровушка,
Не мешай мне, добру молодцу, думу думати!

Говорят, что сочинил ее в застенке сам Каин. «По лесу, по дремучему, разбойнички идут, в своих руках могучих покойничка несут», — это отправился в последний путь «сам Чуркин молодой», — герой народного эпоса и исследования Льва Толстого.

Не вспоминая уже Кудеяра и рапсодию по случаю неудачной свадьбы веселого и хмельного атамана, все «разбойные» песни с удовольствием распеваются в городах и весях России, так же, как блатные, тюремные песни. Причудливым образом перемешано в нас представление о героическом и постыдном, и далеко не всегда удается нам их развести. Есть в каждом россияnine, в русском наверняка, частица голытьбы, голи кабацкой, будь он хоть трижды аристократом или миллионщиком. «Голь на выдумки хитра», — говаривал отец последнего Императора, пряча от законной супруги в ботфорт спецбутылку с традиционным русским напитком.

Голытьба и вольница, как сума и тюрьма, от которых, по слухам, не стоит зарекаться ни одному русскому, формировали определенный нравственный (вненравственный) строй жизни и строй понятий, где сила важнее, полезнее, лучше анонимных, слепых законов; адресная, конкретная, умная сила против тупого закона — это лозунг народной истории и ельцинско-демократического российского реформаторства. Народ молчал, когда расстреливали им же избранных депутатов не потому, что был солидарен с убийством, а потому, что голытьба в нас инстинктивно против Закона — таков наш национальный, веками отшлифованный «архетип».

«Закон» — всегда не наш, всегда для кого-то другого писан, что часто как раз и случалось с нашими законами. Беззаконие, опора на силу равным образом нравятся голытьбе и управителям всех рангов. Правда, любовь к силе образует вектор, направленный вниз, а сверху ждут только правопорядка. Ожидания не оправдываются почему-то. Больше всего российские политические системы при неизменно командном управлении не терпели плюрализма властей. Попытки ограничения самовластия оканчива-

лись плохо для реформаторов, даже самодержавных (Александр II, Николай II). Невзирая на видимые усилия последних Президентом, наша современная система пока еще тяготеет к административно-командному управлению — и это отнюдь не новшество, а торжество древней традиции и возрождает ряд ее существенных сторон.

Ленин был интернационалистом и непримиримым борцом с самодержавием, но он был еще глубинным великороссом и клеймил разделение законодательной и исполнительной властей, так как, по его мнению, такое разделение только наводит буржуазную тень на плетень, служит интересам имущего меньшинства и, сверх того, мешает нормальному отпращиванию властных функций. Согласитесь, что наблюдая перипетии грызни наших властей при Ельцине и плачевные результаты управления, есть сильный соблазн прийти к аналогичным выводам. Но, конечно, это вздор, будто у нас явилось тогда совместное управление — всем руководила Администрация и несколько лиц из окружения президента, при содействии ручного парламента и «непримиримой оппозиции». Заметим, что «непримиримые» во все время реформ голосовали за предложенные администрациями и правительствами бюджеты, а «парламентарии» в целом осеняли себя госсимволами, предложенными главой государства.

Команда — постоянный, последовательный и непримиримый враг инициативы, выходящей за рамки команды; она — самый примитивный способ руководства подчиненными. Иногда команда нужна, необходима, единственно возможна, но в нашей сегодняшней гражданской жизни она почти утратила полезный исторический заряд. Беда в том, что, разрушив старую систему управления, мы и поныне не умеем ничего, кроме как отдавать и исполнять приказы, так что пока мы робко, исполняя команду, осваиваем федерализм, возвращаем в себе сознание «строителя гуманного капитализма-олигархизма», тяжелеет пресс административной системы. Поэтому пока мы не осознаем условий свободы, микроб произвола и смуты будет жить в теле государства и ждать своего часа.

Вот уже более двух тысяч лет великий Гиппократ нас поучает: «Жизнь коротка, путь искусства долог. Благоприятный случай быстротечен, суждение трудно». Учить-то учит, а с нас как с гуся вода. Был не один «случай», благоприятный момент, чтобы развернуть корабль страны в нужном направлении. Были случаи, да уносило их потоком мутной чиновно-канцелярской рутины, терялись они среди народного безразличия в карьерной возне политиков, глохли в славословиях вождей и просто в досужей болтовне «многих званых» интеллигентов.

Еще бывало так. Как только интеллигент начинает соображать, что он не только мерило своей собственной совести, но еще меряет совесть народа и Отечества, т.е. не только зван, но и призван (желательно за приличное вознаграждение) излечить совесть народа, то тут же, без промедления начинает звучать «симфония» власти и интеллигента. Противоестественная, как однополая любовь, эта связь, в конечном счете, лишает способности «трудного суждения», и того, и другую; ослепленные страстью оба сначала действительно не замечают, а вскоре едва терпят, но делают вид, что не замечают очевидные уродства друг друга. Внешнему наблюдателю смотреть на это довольно противно. Как известно, власть активно обращается к морали, когда у нее нет денег.

Кроме голытьбы и черни командный вариант управления породил огромный (чиновный) класс исполнителей команд – этот бич всей российской истории, а также несуразно большой аппарат надзора за исполнением команд, целый надзирающий, репрессивный общественный слой и все это при скудном экономическом базисе.

В XX веке государство предприняло попытку контролировать каждого гражданина поименно. Сеть канцелярий, парткомов, министерств, спецслужб и институтов должны были обеспечить беспрекословное исполнение приказов. В результате государство утратило самоконтроль, перестало управлять собственным имуществом и границами. Теперь оно мучительно нащупывает свои пути в мировой цивилизации XXI столетия. То место, которое России предуготовили сожители по планете и которое она сама себе определила реформами прав собственности и ее криминальным разделом вряд ли может долго устраивать население и «демократию».

Иван Александрович Ильин (как и Карамзин) принадлежал к сторонникам «просвещенной конституционной монархии». Конституционная монархия, однако, не прислушалась к его советам и сгинула. Я разделяю убеждения Ивана Александровича, я также и за «просвещенный коммунизм», не против «просвещенного президентства» и «просвещенного республиканства». Иное дело – возможны ли они в России и всему свой час и свои условия. Ильин вычленял «аксиомы власти» и среди первых аксиом отмечал, что положительное право и создающая его власть, их авторитет «покоится не только на общественном сговоре, не только на полномочии законодателя, не только на внушительном воздействии приказа и угрозы, – но прежде всего и глубже всего на духовной правоте, или, что то же, на содержательной верности издаваемых повелений и норм»¹

Со своей стороны хочу подчеркнуть давно известное: полномочия «личности» кончаются там, где начинается жизнь, продиктованная инстинктом, страстями либо внешним приказом. Как бы ни была хороша, правильна и своевременна команда, на момент подчинения, она ограничивает свободу и ответственность, а значит и личность. Бесперывные, всеохватные командные распоряжения имеют тенденцию устранять их вовсе.

Похоже, есть смысл приобрести навыки и начать корректировать отцов-командиров.

Народ зачастую был лучше и чище собственных властелинов, ибо держал на плечах тяжесть существования страны, иногда смертоносную тяжесть. И это, кажется, тот случай, когда устами народа говорил Бог. Еще, бесспорно, говорит Он в трудах и ремеслах, в художественном творчестве. Отчасти все же прав Сенека.

А в остальном что же? Может быть, и разговаривает Бог народным голосом, только давно отмечено, что у евреев Бог и сам еврей, у японцев – японец. И у любой нации он человек, т.е. имеет свои выраженные пристрастия и питает вполне объяснимую слабость «к своим».

Обратимся к опыту безбожной власти.

«Время – как берег, – утверждал один из наблюдателей, обозревая современные ему перемены, – движемся мы, а кажется, что он». Вот уже перелистал ветер жизни страницы истории, отпущенные власти Советов. Минула историческая эпоха, случились общественные подвижки. А началась эта эпоха с того, что пришлось огромными усилиями преодолевать разрушительные последствия тяжелейших смертоубийственных Мировой и Гражданской войн. Преодолевать, в том числе мучительно избавляясь от иллюзии доктрины, в которую вожди и партия свято верили, с которой шли в Революцию, с которой затевали хотя и нищий, хотя и военный, но все же Коммунизм. На очередь дня явилась тогда новая экономическая политика – НЭП.

Приходилось заново отстраивать хозяйство, строить государство и правопорядок, возрождать народ от дикости войн к культурной жизни, к образованию, к науке, к искусствам, к достойному существованию. Какие на этом пути ждали жизневороты, пороги, провалы – хорошо известно, но вот что следует помнить: оценивая прошлое, мы судим и настоящее. Хорошо, если негативно-критическая оценка не оборачивается толерантностью ко всему теперешнему, даже глупому, фальшивому и мерзопакостному.

Эпоха, которая отделяет нас от того времени, вместила народные трагедии и народный героизм, тупую серость концлагерей и

гигантские стройки века, фронтовые стойкость и мужество и фронтовое предательство — давайте станем злопамятными и не будем все эти вещи путать.

Политики и власть любят обставлять себя разнообразными легендами и мифами. Самым невинным является утверждение, будто вершина власти означает вершину политического ума — невинным потому, что никто, кроме того, кому предназначен этот пассаж, в него не верит, однако очень многие властные отношения строятся так, как будто соратники властелина искренне уверовали в эту чепуху.

В свое время марксисты, ленинцы и сталинисты понимали и определяли власть как инструмент для организации политической воли господствующего класса. Затем классовую теорию наши современники подвергли остракизму — будто бы эта теория, внедряясь в идеологии, взрывает общественное согласие и провоцирует социальные напряжения. Пожалуй, теория классовой борьбы действительно страдала некоторой узостью взгляда на исторический процесс и место в нем власти, но наш современник, как водится, вместе с водой выплеснул и ребенка. Характерно, что это случилось в преддверии и в момент глубочайшего классового раскола в России.

Привычка приучать повелителя к скромному сознанию его талантов и выдающейся роли среди людей сопровождает историю власти с тех пор, как власть отделилась, проросла из своих биологических, животных эволюционных корней, чтобы цвести и плодоносить на дереве познания добра и зла. Удивителен не факт присутствия объяснимой человеческой слабости, а то, как скоро, как единодушно и охотно, как дисциплинированно подчиняется любой даже абсолютный властелин этой диктатуре чужого мнения, готов терпеть в этом вопросе даже грубое насилие. Такая вот слабость: «Я — сверхчеловек, ничто сверхчеловеческое мне не чуждо», — почти как в комедии Теренция.

Эта ложь провоцирует целую пирамиду и систему лжи, начиная с эмпирии, статистики и подтасовки фактов, кончая возвышенными одами, поэмами вождям. Сегодня, скажем, объявили рыночный мир лучшим из возможных миров. У нас в стране и в мировом масштабе. Знаток рынка Джордж Сорос рисует «Кризис мирового капитализма», выявляет просчеты и пороки классической рыночной теории, а у нас с новым энтузиазмом славят рынок. Идиллию, правда, слегка размывает Мировой финансовый кризис.

Возвращаясь к выводу о народе как «источнике власти», следует с прискорбием и его посчитать исторической легендой. Легенда становится явью только в немногих, драматических и тра-

гических временах революции и самоуправств. Отрицать за народом право на революцию может тот, кто отрицает «право» на высокую температуру у организма, пораженного инфекцией. Не преувеличивая заслуги большевиков в победе над бывшей властью, не могу разделить легкомысленного убеждения, согласно которому «власть сама упала в руки большевиков». Упала — вместе с сабельными атаками и боями на взаимное уничтожение.

Чтобы судить и понять «антирыночных» большевиков, следует понять их проблемы, иначе мы рискуем приписать им свои собственные изьяны. Наши проблемы — пустяки по сравнению с тогдашними. Жесточайший кризис промышленности и сельского хозяйства, кризис на транспорте, голод, общий экономический ущерб от потерь в Мировой и Гражданской войнах оценивался в 50 миллиардов золотых рублей. Саботаж и преступность, спекуляция и казнокрадство. И при всем этом необходимо создавать энергетику и индустрию, внедрять технологии, формировать милицию, армию и т.д., и т.п.

Идей, которые породило воображение большевиков, с какими они взялись за переустройство старого миропорядка, не так уж много.

Отмечу одну из них. Это идея радикального отделения персонального носителя власти от оков деформирующей его частной собственности; отделение управителя от крупного имущественного обладания. Между «быть» и «иметь» большевики поначалу твердо выбрали «быть». Большевики ленинского призыва действительно были большими мечтателями, идеалистами и фантазерами, чем известный английский фантаст. Пока тов. Сталин не опустил их на каменистую материалистическую почву.

Но вместе экономика и политика, по возвышенной мысли революционеров, обязаны были подчиниться общему и самому фундаментальному императиву социальной справедливости, каковой заключался в создании таких условий общежития, которые гарантировали бы для каждого максимум равных возможностей саморазвития с одной стороны, а с другой стороны, и вследствие этого исключали бы возможность социального взрыва. Отсутствие условий для социального взрыва — это и есть в точном смысле максимальное выражение идеалов справедливости. Последнее, по-моему, весьма здравая мысль; ее же высказывал, чтобы не закопаться на этот раз далеко в историю, далекий, как мы понимаем, от большевизма Паскаль. Большевики искренне полагали, что их Революция будет в России последней.

Вдохновляющие идеи были достойными, намерения — чистыми, цели — ясными, а получилось — не то, что ожидалось. В чем дело?

Не справились большевики, затем коммунисты с «природой человека», помнили об обществе и идеалах и забыли такую малость, как человеческие качества. Они даже с собой не справились. Никто в 17-м году не слышал расстрельных залпов и концлагерей близкого будущего, своего будущего, а писали программы для всей мировой истории. Слов нет, далеко большевикам по части искусства личного обогащения до нынешних новых собственников (я вот думаю, а вдруг окажется, что «ученый и математик» Березовский и впрямь не нарушал закон и честно заработал свои три миллиарда долларов в год, тогда, думаю я, дело совсем из рук вон плохо, и надо судить законодателей за преступную халатность в законотворчестве). Как бы там ни было, далеко ли, близко ли, а «природа человека», страсть властвовать, обладать и иметь, и на сей раз оказалась сильнее доктрины.

Доказать тезис «честность — лучшая политика» затруднительно, опираясь на исторические прецеденты. В конце концов существует же врачебная тайна, существует и политическая тайна, а военная тайна и обман противника — так это просто добродетели. То, что у нас было и ныне модно трепать языком всем подряд и выбалтывать все где и кому попадет — это вовсе не откровенность, а иногда и прямое предательство. Когда правительство, министр болтал о решении тогда-то провести эмиссию (скажете — такого не было!), так это не честность, а нечто совсем иное. Хотя многое говорилось в неотразимом восторге от гласности и «открытого общества»; разделись, можно сказать, до самого голого места, больше, чем самая обнаженная, модная западная демократия.

Политика и власть знавали тех, кого прозывали Святым, Тихим, Грозным, Смелым, Храбрым, Бешеным и т.д., а от Великих просто в глазах рябит. Больше всего Великих случилось среди тех, кто изничтожил больше всего собственного и чужого народу, так сказать, основательно замутил источник власти.

История с мировыми тоталитарными системами по одной версии означает «победу личности над толпой», вождей над массой, по другой — «победу толпы над личностью», растворение личности в толпе. Дилемма, как мне представляется, надуманная, альтернатива ложная. В том и другом случае речь идет об одном — о незащищенности общего, коллективного сознания перед приемами и средствами массового оболванивания. Это значит, что человеческая история чревата победой идолов над смыслом, победой частного, корыстного интереса над общечеловеческими нравственными заветами. Честность требует это признать.

Среди многих прозваний, имен властелинов не припомню ни одного Честного. Правда, Костомаров говорит о честности пер-

вых Романовых, но добавляет, что они ничем и не управляли, а только светились и царствовали. Трудно доказать тезис о честности, как о лучшей политике, если только не воспользоваться «методом от противного». Вот мы имели бесчестную политику, и что же?

Не везде и не всегда полезна и необходима честность, но там, где она возможна, она должна присутствовать.

Поэтому правда, что народ не наполняет власть, как источник наполняет водоем; он даже своих представителей делегирует во власть редко, имея в виду, что избранник обязан проводить «линию народа», отстаивать его «объективный интерес», а он норовит отстоять свой личный или интерес корпорации, а то и вовсе пожелание бандитской группы. Но верно также и то, что народу не следует врать сверх необходимого. Даже если мифология является неизбежной составляющей логики управления, враньем злоупотреблять не разумно. Компартия и Советы утратили власть именно из-за постоянной привычки к вранью, ставшей нестерпимой, ибо вранье унижает достоинство того, кто врет, но не меньше того, кому врут.

Ждать, когда на маске власти начнет само собой проступать человеческое лицо можно неограниченно долго, но лучше приняться за воспитание собственных политических, а также финансовых, хозяйственных, научных, идейно-художественных, идейно-религиозных элит.

Сегодня и во веки веков – это центральная задача народа. Более того, народ – и необходимое, решающее условие задачи, и конечный результат решения.

Уже объявилось третье тысячелетие, отсчитывая от момента, когда явился тот, кому, по верованиям, учениям ряда Церквей предназначено было спасти человеческий род от довлеющего над ним «первородного греха», т.е. от пороков его собственной «природы». Другими словами, спасти человека от сущности человека.

Полное спасение обещано, и следует ждать на небесах, а в земной жизни мы видим, что по ряду существенных параметров природа человека пребывает без изменений. Истекшие две тысячи лет мир, как и прежде, стремился к добрым делам, к полноте познания, изыскивая новые формы в сочетании красок, звуков и слов. Вместе с тем, под слоем культур и цивилизации постоянно тлело, возгораясь войнами, сражениями, походами, стремление к власти, господству, обладанию, эксплуатации.

Во всех исторических российских обществах управление строилось как господство и это неизбежно накладывало печать эксплуатации: не власть существовала для народа, а, наоборот, народ служил подкожием власти. Поэтому чаще всего вершин власти достигают не те, кто в состоянии охватить необходимое для об-

ществленного управления число и глубину человеческих связей, не те, кто познал достоинства народа и сильные стороны человеческой породы, а те, кто глубже других проник в темные пласты сознания и подсознания и способен спекулировать на людских слабостях. Потому многие наивно видели в монархии, в наследственной власти хоть какую-то гарантию от проникновения власти тиранов и корыстолюбцев.

В списке причин исторических провалов и поражений человеческих сообществ следует особо выделить пристрастие превозносить победу выше ее реальной ценности для оправдания затраченных на победу усилий и «списания» жертвоприношений на алтарь победы – вынужденных и ненужных, своих и противника. Мы выстраивали пьедесталы, что возносят памятники героям в разреженные, горные высоты, куда с трудом залетает критический ветер истории, наслаждаясь их видом, пока общественные перемены не стряхивали с памятника мишуру эполет и позолоты.

Усерднее и быстрее всего пьедесталы строятся «великим» властителям и «великим» воителям и кажется, что зенитные лучи славы согревают всех подвластных, мнится, что все они причащаются именем победителя, вкушают от величия победителя. На самом деле почитание не только греет, даже не столько греет, сколько деформирует сознание, направляя движение мысли на узкоколейку самолюбования и поклонения кумирам. «Любой кумир должен быть разрушен не потому, что он ложный, а именно потому, что кумир», – говорил Петр Лавров. Правильно говорил, глубоко мыслил.

Нынешний XXI век, возможно, будет прославлен достижениями наук и художеств, новыми энергетическими возможностями, расшифровкой тайн «темной материи» и «темной энергии», открытыми тайнами микроматерии, био- и другими новейшими технологиями, принципиально иными средствами связи, а с ними – новыми формами понимания и овладения временем и пространством. Будет прославлен, если он состоится. Состоится же он, похоже, лишь в том случае, если уже сегодня мы усомнимся в неизбежности этого, если осознаем XXI век как проблему, решаемую только перестройкой глобального человеческого ума.

XX век создал угрозу «ядерной зимы», мог поджарить своих обитателей в «озоновых дырах», загрузил акватории ряда морей, а значит, и колыбель жизни – Мировой Океан – тоннами емкостей с бациллами бубонной чумы и сибирской язвы, создал такие угрозы существованию жизни на Планете, что поставил под сомнение возможность коллективного планетарного сознания управлять дальнейшей человеческой историей. С глобальной мыслью XX столетия опасно жить в XXI.

Не знаю полного объема и всего содержания перестройки ума для моей России, зато понимаю, с чего именно должна начаться перестройка. С того именно, что мы должны, наконец, обучиться отдавать предпочтение пусть малому, но доброму и конкретному делу, самому торжественному обещанию невыполнимого.

XX столетие слишком часто меняло мировой порядок – отчасти из-за динамизма ускоряющегося развития, а также войн и революций, отчасти из-за разнородных стремлений к мировой гегемонии. Неумных стремлений. Такой порядок, который навязывается сейчас: «Только Соединенные Штаты обладают как моральной выносливостью, так и средствами для того, чтобы поддерживать его», – как заверял соотечественников еще в 1991 г. Президент (тогдашний) Джордж Буш, такой мировой порядок вряд ли установится надолго. И в Ираке, и на Балканах, теперь в Афганистане американцы демонстрировали воистину верблюжью моральную выносливость. Похоже, и здесь нужны перемены в сознании.

* * *

Эти заметки задуманы как относящиеся скорее к истории, а не к политике, да и то к истории в ее «злопамятном» контексте. В них намеренно почти не затрагиваются политические подвижки и реалии наших дней времен президентства-правления В.В. Путина – Д.А. Медведева. Настоящее, конечно, приоткрывает завесу прошлого, но нужно время, чтобы оценить настоящее. И настоящее, конечно, это – отдельный сегодняшний разговор.

Какие из тенденций ушедшего столетия возобладают в нынешнем – моим современникам вряд ли известно. Зато мы можем надеяться и вызывать такие неучтенные техникой и информатикой факторы исторического процесса, как милосердие, сострадание, человеческая солидарность, любовь к ближнему. В конечном счете, они, а не корысть и жажда власти, тем более не команда и приказ, направляют свободную мысль или мысль направляют к свободе. Что, в сущности, одно и то же. Тогда мысль сможет соизмерить победы и пьедесталы.

Может быть, тогда совместно, сообща проясним немного наше основательно замутненное перипетиями былого века историческое сознание. Если Россия и скатится в разряд третьестепенных государств – это еще не фатально, это еще можно поправить.

Лишь бы Россия не стала страной третьеразрядных людей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 4. – М., 1994. – С. 291.

Аннотация

Автор полагает, что политическая власть и исходящие от нее команды, приказы, указы играли в истории России весьма противоречивую роль. Они служили необходимым средством мобилизации в частых чрезвычайных обстоятельствах и, одновременно, разрушали ростки народовластия и гражданского общества.

Ключевые слова:

приказ, диктатура, мобилизация, право, демократия.

Summary

The writer believes that political power as well as the commands, orders and decrees that it issued played an ambiguous role in Russian history. Being an indispensable means of mobilization in frequently occurring emergency situations, they were at the same time ruinous for the sprouts of democracy and civil society.

Keyword:

(Political) power, Dictatorship, Mobilization, Law and order, Democracy.